

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

Игра и грани

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Редактор серии *Л. Латышова*
Художественный редактор *С. Курбатов*

Серова, Марина Сергеевна.
С32 Игра и грани / Марина Серова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-234364-3

После трех месяцев вынужденного бездействия частный детектив Татьяна Иванова наконец получает заказ. Случайная встреча в кофейне с бизнесменом Алексеем Морозовым становится первым звеном в цепи загадочных происшествий. В поисках доказательств финансовых махинаций в компании Морозова Татьяна расследует череду сопутствующих этому делу убийств.

Ей предстоит выяснить, что на самом деле скрывается за фасадом нового спортивного комплекса «Факел» и насколько хрупкими могут быть грани между дружбой и предательством, любовью и изменой.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Серова М.С., 2026
© Оформление. ООО
ISBN 978-5-04-234364-3 «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Три месяца. Девяносто два дня, если быть дотошной — а я всегда была дотошной, — длится мой личный эксперимент по добровольному затворничеству. Свое последнее дело я закрыла аккуратно к Новому году, сделав тем самым клиенту отличный подарок — вернула из небытия его украденные криптоактивы и самоуважение. А потом случилась зима. И календарная, и моя личная, внутренняя. Та, что пришла не с первым снегом, а с первым утренним осознанием того, что сегодня раскрывать абсолютно нечего. Ну, кроме банки с дорогим кофе, которую я вскрыла с торжественностью, достойной куда лучшего применения.

Вот уже три месяца я сижу в своей квартире на седьмом этаже и бью личные рекорды по заказыванию роллов и просмотру сериалов. Денег хватает, спасибо паре удачных вложений и накоплениям, а вот острых ощущений — нет. Абсолютный вакуум, который не заполнить даже двойной порцией васаби. ■

Все это время, чтобы мозги не заржавели, я исправно выполняла свою уникальную ментальную гимнастику — ежедневно штудировала местные паблики вроде «Тарасов онлайн». И поскольку реальных преступлений в них не наблюдалось, мое сознание, изголодавшееся по работе, принялось фабриковать их из всего подряд. Открылась новая кофейня? Безусловно, точка для отмыва денег. Анонсировали субботник в парке? Однозначно заговор властей по сокрытию следов экологического преступления. Мой разум, лишенный настоящего адреналина, превратился в фабрику абсурдных конспирологических теорий. Ну что, Шерлок в растянутом свитере, досиделась до того, что видишь заговор в графике отключения воды?

Сначала мое текущее регулярное времяпрепровождение называлось «заслуженный отдых». Потом — «стратегическая пауза для переоценки профессиональных ориентиров». На прошлой неделе это гордо именовалось «активным бездействием». Ну а сегодня, когда сил и желания выдумывать красочные метафоры или попросту лгать самой себе не осталось, я вынуждена признать: это апатия. Отличное слово, твердое, холодное, как грязная сосулька, что свисает с козырька на моем окне.

Я пила кофе, сидя на подоконнике. Настоящий кофе, зерновой, который я мелю сама

в своей старенькой, но верной ручной мельничке. У меня на кухне за годы выстроился целый арсенал: френч-пресс для ленивых утр, аэропресс для быстрых и ярких чашек и здоровенная кофемашина для тех случаев, когда хочется почувствовать себя бариста и провести полноценный ритуал. Аромат свежемолотых зерен — вот единственное, что могло перебить въевшийся в стены запах тоски и бетонной пыли.

Я молча глядела в окно. Вид, который когда-то продали мне как «прекрасный и панорамный», теперь напоминал стройплощадку в активной фазе. Прямо напротив, на месте чахлого скверика, где тусовались местные алкаши, теперь красовался будущий частный спортивный комплекс. Желтые краны, как голодные динозавры, склонялись над почти законченным чудом архитектурной мысли, а сварка по вечерам устраивала непредусмотренные световые шоу. Ну что, Танька, любишь прогрессом? Теперь у тебя вместо заката перспектива смотреть на качков, бегающих по дорожкам. Интересно, они так же усердно будут качать извилины? А вместо весенней капли — все-таки март на календаре — постоянный шум.

Шум с улицы доносился сюда, на седьмой этаж, неумолимо. Это был не просто гул, а какой-то тотальный, всепоглощающий аккомпанемент к моей жизни. Представьте себе ги-

гантскую мельницу, которая перемалывает не цемент, а все городские звуки — обрывки разговоров, гудки машин, лай собак, музыку из открытых окон — и выдает на выходе однородное, монотонное гудение, похожее на работу старого холодильника, который вот-вот сломается, но никак на это не решится. Этот звук давил на виски, вязнул в волосах, и от него невозможно было спрятаться даже с наушниками, в которых играл виртуозный гитарный перебор.

Последние несколько дней я не просто сидела без дела, а буквально не переступала порог квартиры. Цивилизация в лице курьеров с едой и почтальонов с квитанциями чудесно добиралась до седьмого этажа и позволила мне превратить свою берлогу в идеально отлаженный механизм бездействия. Но сегодня что-то щелкнуло. Точнее, отвалилось. Та самая сосулька, которая упорно держалась всю зиму, теперь сдалась под натиском весеннего солнца, начала таять, светиться влажным блеском и, наконец, с громким хрустом стремительно полетела вниз. Никого не задела, никого и не было во дворе спального района в 11 утра, но меня она как-то тронула. Я решила, что пора сменить стоптанные тапки на весенние ботинки и выйти в люди. Проветрить голову. Убедиться, что Тарасов еще на месте и в нем, возможно, остались дела, достойные моего внимания.

Я натянула линялые джинсы, набросила куртку поверх свитера и бросила быстрый взгляд в зеркало. Оттуда на меня глядела молодая красивая блондинка лет тридцати, в зеленых глазах, чуть затуманенных бездействием, все еще сверкал голодный до приключений ум. Я подмигнула отражению и уверенно пересекла порог квартиры. Первое, что бросилось в глаза, — это ручка моей входной двери, а точнее, ее живописное захламление. С нее свисали, тесня друг друга, с десятков рекламных буклетов.

«Суши WOK», «Шаурма от Валеры», «Ремонт телефонов», «Услуги таролога» — классический портрет небольшого города на одной дверной ручке. Я уже было приготовилась отнести всю эту кипу в мусоропровод, как мой взгляд, натренированный за годы работы замечать детали, упал на один нестандартный буклет.

Он был выполнен в стильном сине-белом дизайне, явно выделяясь на фоне кричащих желто-красных листовок о скидках на курицу гриль. Бумага была плотной, матовой, приятной на ощупь. Не тарасовский размах, чувствовалась рука если не столичного, то очень уверенного в себе дизайнера. Крупный заголовок гласил: «Факел. Зажигаем новые победы!» Речь шла об открытии в Тарасове нового футбольного клуба. О, великолепно. Теперь у нас есть своя команда. Мечтали же? Скоро по

городу будут бегать толпы поклонников со свистками и барабанами. Просто сказка для человека, ценящего тишину.

Но что по-настоящему зацепило мое внимание, так это логотип. Стилизованная буква «Ф», которая одновременно напоминала и футбольный мяч, состоящий из геометрических фигур, и футбольные ворота в разрезе. Лаконично, остроумно, даже с претензией на столичный лоск. Я повертела буклет в руках, ожидая почувствовать волну цинизма или раздражения. Но не почувствовала. Вместо этого сработал детективный инстинкт. Кто это придумал? Кто в нашем спящем городе на Волге, где главным событием года считается открытие очередного магазина «Пятерочка», решил играть в большой футбол? И что важнее, откуда деньги? Спонсоры? Инвесторы? Отмывание? Вот черт, Танюха, опять за свое. Сразу «отмывание». Может, просто какой-нибудь местный романтик на заработанные в Москве деньги решил вернуть родному городу былую спортивную славу?

Груда однотипных скидочных буклетов дружно отправилась в мусоропровод, а вот этот, сине-белый «Факел», я зажала в руке — плотную бумагу было очень приятно мять. Он проделал со мной весь путь на лифте вниз — самую долгую и эпическую мою поездку за последние несколько месяцев. Пока лифт с противным

скрежетом спускался с седьмого этажа, я размышляла над изощренной иронией жизни. Ну не смешно ли? Только-только порадовалась мысли, что вой стройки скоро закончится, как ему на смену приходят крики тренеров и оголтелый мат футбольных фанатов под моим окном. Хотя смена декораций, может, и не повредит. Я вышла из подъезда, и весенний настырный мартовский свет ударил по глазам. Я бросила еще один взгляд на превратившийся в бесформенный комок буклет и решительно швырнула его в ближайшую урну.

Несмотря на то что в моем животе, помимо решимости наконец-то начать движение, все еще пребывал утренний кофе, я твердо решила, что лучшей целью для прогулки будет новая порция любимого напитка. Я вообще не выношу бесцельное блуждание. Наличие конечного пункта — каким бы приземленным или даже сомнительным он ни казался — создавало необходимый каркас для моих действий, превращало бессмысленное шатание в логичный маршрут из точки А в точку Б. Идеальная метафора для моей жизни, вот только точку Б я потеряла из виду месяца три назад.

Я двинулась по улице, привыкая к слепящему солнцу белого дня снаружи моей бетонной коробки. Воздух был прозрачным и колючим, как осколок стекла. Мне нужна была не

просто чашка кофе — мне был нужен кофейный ритуал. Ожидание, терпкий запах, первый обжигающий глоток, который прочищает мозги лучше любой медитации. Это был единственный якорь, за который я могла зацепиться в этом море собственной апатии. Цель — пусть и в виде джезвы горькой жидкости — была необходима. Как карта для следопыта, пусть даже на этой карте отмечена всего одна-единственная кофейня на забытой богом набережной.

От моего дома до набережной — около трех километров, петляя дворами. Я шла не спеша по сухому холодному асфальту, и город проплывал мимо меня, как давно знакомый, но подзабытый кадр. Сначала — вереница пятиэтажных хрущевок, похожих на выцветшие кубики, с их кривыми балконами, увешанными бельем, и покосившимися качелями во дворах. Затем — резкий, почти нахальный переход к элитным новостройкам. Они стояли, сверкая стеклом и витражными панелями, и косились на своих потрепанных временем соседей. Постепенно настырные новостройки отступили, уступив место еще одному тарасовскому архитектурному феномену — кварталам старых, выросших в землю одноэтажек. Эти домишки с резными наличниками и кривыми заборами стояли здесь словно ополчение против наступления стеклобетона. Их владельцы пока что

не поддались сладким речам и давлению застройщиков. «Держитесь, герои», — мелькнуло у меня в голове. Да и сама география оказалась на их стороне — это уже была береговая водоохранная зона, где нарастить очередной муравейник из жилых комплексов было не то чтобы невозможно, но чертовски хлопотно.

И вот она — набережная. Моя Волга. Я остановилась на несколько секунд, чтобы перевести дух — не столько от усталости, сколько от внезапно нахлынувшего ощущения простора после тесных улиц. Слева, вдоль прогулочной зоны, уютилась стихийная парковка — несколько машин, брошенных как попало. Две скромные иномарки, прижавшиеся друг к другу, и одинокий коричневый внедорожник, массивный и неуклюжий, будто заблудившийся медведь. Он стоял под углом, занимая сразу два места, его грязные бока матово светились в мартовском послеполуденном солнце. Он показался мне смутно знакомым.

Старая набережная была точно такой же, как и десять лет назад: та же потрескавшаяся, серая от времени брусчатка, те же чугунные фонари с позеленевшими основаниями, те же проржавевшие перила, облупившаяся краска на которых слезла, обнажив благородную патину времени. Никакого гламурного ремонта с резиновым покрытием и стилизо-

ванными лавочками тут, слава богу, не случилось. И в этой ее легкой заброшенности, в этом молчаливом достоинстве стареющей красавицы был свой, особенный уют. Она не пыталась казаться лучше, чем была, не рядилась в чужие наряды, и за эту честность, за это упрямое нежелание меняться вместе со стремительным миром я ее и любила.

За последние пару лет вдоль всей набережной как грибы после дождя выросли кофейни. Стильные, стеклянные, с неоновыми вывесками и навязчивыми названиями. Но мои ноги сами несли меня к одной-единственной, затерявшейся почти в самом конце, — «Ромашке». Неказистая дверь, всего четыре столика внутри и бодрящий, густой аромат, который был слышен даже на улице. Здесь не было никаких сиропов со вкусом «радуги» или капучинки на кокосовом. Зато был Артем, владелец «Ромашки», угрюмый мужчина лет пятидесяти, с неизменной сигаретой за ухом и парой вертикальных морщин на переносице — точь-в-точь как у старого ястреба. Он вот уже восемнадцать лет варил кофе на песке в медных джезвах. Кофе в его исполнении был не просто напитком — это был ритуал, алхимия, превращавшая обычный день в событие.

Я зашла внутрь, кивнула знакомому хмурому лицу за стойкой и сделала заказ, пред-

вкушая тот самый, единственно верный, горький и обжигающий вкус, ради которого и стоило пройти эти три километра.

Сказать, что это место было кофейней, — значит сильно польстить ему. Это был скорее застекленный каркас, коробка с высокими, заляпанными высохшими каплями дождя окнами, сквозь которые лился слепящий свет. Никакого туалета, никакого намека на уютные плетеные кресла — лишь четыре шатких пластиковых столика, похожих на те, что выставляют в летних верандах столовых. Зимой Артем отапливает сие царство небольшой, выдавшей виды печкой-буржуйкой, которую он выкатывает в центр, словно главную звезду этого минималистичного шоу.

Но парадокс — несмотря на явный аскетизм, здесь почти никогда не бывало свободных мест. Вот и сегодня я заняла последний столик у самого окна, положив ладони на прохладную пластиковую столешницу. Три остальных столика были заняты: пожилая пара, молчаливо смотревшая на реку, два студента с растрепанными конспектами и женщина в бежевом пальто, накинутом на плечи, погруженная в чтение бумажной книги. Рядом с ней стояла чашка чая. Взгляд, выхватив ее из общего фона, на мгновение дрогнул, но был тут же ре-